

Алексей Юрьевич ВЯЗИНКИН, Кузьма Александрович ЯКИМОВ

| «Комсомол – шеф электрификации»: образ молодежи начала 1930-х гг. в советском документальном кинематографе |

Алексей Юрьевич ВЯЗИНКИН

Тамбовский государственный технический университет
392000, Россия, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106
Доцент кафедры «История и философия»
Кандидат философских наук
ORCID: 0000-0003-3821-6168
e-mail: vyazinkin@yandex.ru

Кузьма Александрович ЯКИМОВ

Тамбовский государственный технический университет
392000, Россия, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106
Доцент кафедры «История и философия»
Кандидат исторических наук
ORCID: 0000-0003-1756-3515
e-mail: gnom-gnom123@mail.ru

«КОМСОМОЛ – ШЕФ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ»: ОБРАЗ МОЛОДЕЖИ НАЧАЛА 1930-Х ГГ. В СОВЕТСКОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

В статье анализируются культурологические и антропологические аспекты формирования образа комсомола 1930-х гг. в советском документальном кинематографе на примере фильма «Комсомол – шеф электрификации» (1932). Историко- и культурно-антропологические подходы, использующие ресурсы методологии визуальной антропологии, позволяют сосредоточиться на малоизученных аспектах формирования пропагандистского образа комсомола в советском обществе периода индустриализации. Сравнительно-исторический метод позволяет на основе архивных материалов сопоставить образ советской молодежи и реалии повседневной трудовой жизни комсомола.

Культурно-антропологический образ комсомола, как авангарда социалистического строительства, в советском документальном кинематографе конституировал новую советскую чувственность, тем самым сконструировав и нового советского субъекта. Методология визуальной антропологии позволяет реконструировать не только художественно-эстетические приемы реалистического искусства зарождающегося звукового кино и советской пропаганды, но и культурные измерения создаваемого образа: от антропологии заводского труда до «героической» психологии молодого пролета-

рия. В статье акцентируется внимание на теоретических аспектах художественно-изобразительных возможностей звукового кино формировать эмоциональную культуру общества. Само содержание эстетического подхода к созданию документального кино, сочетающего в себе элементы авангардизма и еще только нарождающегося социалистического реализма, по существу, было культурным выражением сочетания экспериментального и планового в создании нового советского субъекта. Цели советского государства по созданию нового человека нашли свое выражение в своеобразной эстетизации повседневной трудовой жизни молодежи и в культивировании проникнутой духом аскетизма психологии трудового самопожертвования.

Формируемый официальными пропагандистскими структурами героический образ трудовых подвигов в силу психолого-возрастных особенностей подрастающего поколения с энтузиазмом воспринимался массовым молодежным сознанием. Большинство трудностей и лишений, с которыми сталкивались молодые люди, воспринимались как временные и вынужденные. В то же время были и те, кто участвовал в социалистическом соревновании под нажимом со стороны партийных и комсомольских организаций. Желание избежать различ-



Алексей Юрьевич ВЯЗИНКИН, Кузьма Александрович ЯКИМОВ

| «Комсомол – шеф электрификации»: образ молодежи начала 1930-х гг. в советском документальном кинематографе |

ных социальных санкций стимулировало формирование исполнительского характера трудовой активности молодежи.

Реконструкция образа советской молодежи редко становится предметом не только культурных, но и исторических исследований. Еще реже исследователи обращаются к советскому документальному кинематографу как источнику для подобных реконструкций. Наша исследовательская цель заключается в решении ряда задач, центральная среди которых, – определение внутренней взаимосвязи советской теории кино с антропологией труда и пропагандистской героизацией трудового энтузиазма, а также с психологией советской молодежи, на основе подходов визуальной антропологии и соотнесения образа комсомола с реалиями 1930-х гг., что осуществляется на основе анализа архивных документов.

Аналитическое сопоставление культурного образа и исторических реалий построено на принципах историзма, объективности и социального подхода, историко-антропологическая часть исследования реализуется с использованием сравнительно-исторического метода. Но наиболее важный, культурологический аспект исследования ориентируется на аналитические ресурсы визуальной антропологии.

Методология визуальной антропологии опирается на тезис о том, что формы визуального повествования (кино, видео, фотографии) сообщают о типичных или эксклюзивных событиях культурной сферы общественной жизни и быта. Социальные науки за последние десяти-

Ключевые слова: комсомол, электрификация, советский кинематограф, советский субъект, психология пролетариата, визуальная антропология, антропология труда, документалистика, героический реализм.

летия уже пережили так называемый «визуальный поворот», существенно обогативший методологию каждой из них – социальной антропологии, географии, культурологии, социологии и т. д. Исследователи, которые прибегают к методологическим ресурсам визуальной антропологии, неизбежно включают свои научные результаты в контекст теории кино, фотоистории, танцеведения и т. п.¹ Это позволяет, к примеру, сухой архивный, исторический материал представить в новом методологическом фокусе, который, как правило, конгениален проблематике социальной антропологии, то есть исследованию многообразия образцов поведения и моделей коммуникации людей в (со)обществах. В нашем случае эта методология используется для историко- и культурно-антропологического исследования обозначенного феномена в контексте визуально-изобразительного повествования в советском документальном кино, на примере фильма «Комсомол – шеф электрификации» («КШЭ»).

«КШЭ» в контексте советской теории кино

Культурно-антропологические аспекты формирования и развития большевистского государства нашли свое выражение и в теории советской кинодокументалистики. Фундамен-

¹ см. подробнее Ruby, J. Visual Anthropology // Encyclopedia of Cultural Anthropology / D. Levinson, M. Ember (eds). – New York: Henry Holt and Company, 1996. – Vol. 4. – P. 1345–1351.



Алексей Юрьевич ВЯЗИНКИН, Кузьма Александрович ЯКИМОВ

| «Комсомол – шеф электрификации»: образ молодежи начала 1930-х гг. в советском документальном кинематографе |

тальным тезисом этой теории было стремление создавать кинопродукт на основе тождества текста и образа, то есть концептов идеологии и кадров изобразительного киноматериала. Так, В. Шкловский уподоблял людей, движущихся на экране, иероглифическому письму². Потому неудивительно, что большевики использовали кинематограф в качестве важнейшего ресурса идеологической пропаганды.

В начале 1930-х гг. для подобных фильмов одной из основных задач стала пропаганда ключевого образа героического реализма (пограничья между авангардизмом и социалистическим реализмом) – трудолюбивого молодого пролетария-энтузиаста, энергичного строителя коммунизма. Можно сказать, что кинематограф этого периода – это феномен, появившийся накануне абсолютной культурной гегемонии социалистического реализма, когда творчество еще окончательно не утратило возможности авангардного экспериментирования. В этих сложных и неоднозначных культурных условиях формировался новый советский субъект, которого кинематографическое искусство рассматривало как психологический тип, конституирующийся в новом чувственно-эмоциональном опыте. Задача советского кинематографа, сводившаяся к выработке новой модели индивидуальности, таким образом, сочеталась с техническим интересом посредством киноискусства провоцировать новые способы восприятия в эксперименте «сенсорной переделки советского субъекта»³. Так формировалась советская эмоциональность эпохи, как фундаментальное основание физической и мен-

тальной трансформации человека, а кинематограф стал «тестовым полигоном» новых способов ощущения мира⁴.

На фоне других кинематографических школ своими нетривиальными подходами выделялась советская школа монтажа, чья теоретико-эстетическая идея строилась вокруг принципа визуальных контрастов. Интенсивность освещения, расстановка объектов и движения в кадре варьировались в разнообразных композициях, что создавало определенный эффект, необходимый для достижения художественных целей, которые ставили перед собой создатели картин.

Одним из представителей этой школы была Эсфирь Ильинична Шуб – известный советский кинорежиссер, монтажер и сценарист. В начале своей карьеры она практиковалась в перемонтаже иностранных фильмов. Ее эксперименты с композицией и «эффектом Кулешова» принесли свои плоды: она выработала свою философию монтажа, которая заключается в постулате о необходимости подчеркивать факты, то есть не только представлять их, но и делать возможным их изучение и запоминание.

Документальный фильм «Комсомол – шеф электрификации» был снят в 1932 году. Он должен был отразить борьбу комсомола за электрификацию народного хозяйства. Монтаж картины осуществляла Э. Шуб (с 1926 года режиссер киностудии «Мосфильм» – «Совкино»). Вместе с операторами она проводила съемку строек пятилетки по всему Советскому Союзу. Одна из ключевых задач, которую поставила себе съемочная команда, – проиллюстрировать самоотверженный труд комсомольцев посредством создания кинопортретов молодых строителей электростанций. Это были первые шаги

² Шкловский, В. За 60 лет. Работы о кино. – Москва: Искусство, 1985. – С. 34.

³ Widdis, E. Socialist Senses: Film and the Creation of Soviet Subjectivity // Slavic Review, 71(3). – 2012. – P. 590.

⁴ Ibid. P. 618.



Алексей Юрьевич ВЯЗИНКИН, Кузьма Александрович ЯКИМОВ

| «Комсомол – шеф электрификации»: образ молодежи начала 1930-х гг. в советском документальном кинематографе |

звукового кино, возможности которого Шуб, конечно, использовала для развития художественной выразительности кинематографического искусства. Сама она отмечала, что специально использовала звуковые документальные шумы, шум фабрично-заводских машин и строек (шум индустриализации), толпы, патефона и звуки природы⁵. Смешение шумов и изобразительного материала позволило передать титаническую атмосферу кузницы коммунизма в годы индустриализации. Для советской культуры этого периода в целом свойственно понимание реализации коммунистической утопии как равное освоению видов энергии. В нашем случае речь идет о плане советской власти по широкому внедрению в различные отрасли хозяйства и быт электрической энергии, то есть об электрификации. Согласно знаменитой формуле В. И. Ленина, «коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»⁶. Электрификация была важнейшим аспектом социалистической реконструкции общества, которая бы создала «нового человека» – коммуниста, приведя городского жителя к общему антропологическому знаменателю, а технократы-инженеры получили бы государственную поддержку для реализации своих инженерных утопий⁷.

Культурная история электрификации создала устойчивый социальный миф, который, несомненно, был политизирован. Историко-культурные и символические аспекты феномена электрификации уже становились предметом

отдельных исследований⁸. Этот социальный и политический миф был обогащен рядом символом (например, «лампочка Ильича»), что позволяло власти представлять новый советский мир как реализующийся онтологический проект по великому коммунистическому плану Ленина-демиурга. Миф об электрификации был снабжен мощной метафорой света, которая в общественной и политической пропаганде трансформировалась в систему «противопоставлений тьмы и света, невежества и просвещения, убогой бедности крестьянского прошлого и изобилия в индустриальном будущем»⁹.

Этот миф был эстетизирован не только в пропаганде, публицистике и литературе, но и в кинематографе. Э. Шуб отмечала, что для нее было крайне важно представить в кинематографических образах новейшие достижения электротехники, радио, телевидения и лабораторий академиков А. Ф. Иоффе и А. А. Чернышева. По мнению самой Шуб, наиболее эстетически выразительными были сцены, в которых интенсивные эмоции трудовой молодежи передавались в контексте технического успеха, например, «волнующие» сцены сдачи и приема генератора комсомольцами «Днепростроя». Художественные особенности кинематографической ленты были дополнены эффектом метафоры тождества электрической и идеологической

⁵ Шуб, Э. Крупным планом. – Москва: Искусство, 1959. – С. 202.

⁶ Ленин, В. И. Полное собрание сочинений (5-е издание). Т. 42. – Москва: Издательство политической литературы, 1970. – С. 159.

⁷ Coopersmith, J. The Electrification of Russia, 1880–1926. – Ithaca: Cornell University Press, 1992. – P. 151.

⁸ Никифорова, Н. В. Превращение электричества из диковинки в новинку. Подходы к изучению культурной истории электрификации // Общество. Среда. Развитие. – 2016. – № 4. – С. 48–55; Никифорова Н. В. Лампочка Ильича и символические аспекты в пропаганде электрификации // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). – 2017. – № 4 (45). – С. 102–110.

⁹ Никифорова, Н. В. Лампочка Ильича и символические аспекты в пропаганде электрификации. С. 106.



Алексей Юрьевич ВЯЗИНКИН, Кузьма Александрович ЯКИМОВ

| «Комсомол – шеф электрификации»: образ молодежи начала 1930-х гг. в советском документальном кинематографе |

энергии¹⁰ на грани чувственно-эстетического восприятия. Л. Кагановская отмечала, что воздействие фильма Шуб выходило за границы глубоко визуального опыта, оно было своего рода «кинокасанием»¹¹. В отклике на фильм самого Сергея Эйзенштейна прозвучала авторитетная оценка – это «звукоразительная творческая победа»¹².

Создательница фильма отвергла упреки в супрематизме, утверждая, что в ее картине нет абстрактных кадров за исключением тех, что показывают мелькание электрических лампочек ночной Москвы. Эти кадры, сделанные в Международной юношеской день, были своеобразным выражением оптимистического символизма – попыткой кинематографического броска в будущее на десять лет вперед¹³.

Даже в своих воспоминаниях Шуб не отошла от той техноцентричной эстетики дня, свойственной державе с командной экономикой, входящей в фазу активной индустриализации. Она умело вплетала в ткань повествования трудности, связанные с организацией съемок (уезжали в горы, передвигались в мороз, переносили звукоаппарат на руках и т. п.), и то радостное изобилие (богатство блюд, вин, гостеприимство и радушие), которым встречали и приветствовали ее и актрису Нато Вачнадзе (работала над фильмом в качестве монтажера) в местных гостиницах.

Немаловажно для понимания культурной атмосферы, в которой творился кинематографический образ комсомола, и собственное признание Шуб, свидетельствующее о том, что фильм создавался в некую переходную («грандиозную», «великую») эпоху, когда субъективизм авангарда еще было возможно сопрячь с партийной пропагандой в различных видах искусства. Свой субъективизм, лиризм и «необычайную настроенность» того времени она рассматривала как транзитивный этап, как учебную фазу, как подготовку к тому, чтобы «говорить голосом того класса, для которого и вместе с которым» она хотела работать¹⁴.

Антропология труда

С момента прихода большевиков к власти проблема формирования «нового человека» была одной из ключевых задач советского руководства. Определяющее значение в реализации заданной установки отводилось комсомолу, который к 1930-м гг. превратился в послушного проводника партийной линии в молодежной среде. Именно молодежь с присущей ей социальной энергией рассматривалась большевиками в качестве авангарда строящегося коммунистического общества. Логика партийного руководства была вполне понятна и во многом объяснялась тем положением, которое занимало молодое поколение в социальной структуре советского общества. Следует заметить, что молодежь была наиболее многочисленной трудоспособной социальной группой, следовательно, от ее отношения к власти и политической системе в целом зависело будущее развитие общества. Вместе с тем, именно молодое поколение наиболее склонно к творчеству и новаторству, а значит именно юноши и девушки явля-

¹⁰ Widdis, E. *Visions of a New Land*. – New Haven: Yale University Press, 2003. – P. 23–27.

¹¹ Кагановская, Л. Материальность звука: кино касания Эсфири Шуб // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 2. – С. 35–53.

¹² Шуб, Э. Крупным планом. – Москва: Искусство, 1959. – С. 203.

¹³ Шуб, Э. Жизнь моя – кинематограф. – Москва: Искусство, 1972. – С. 282.

¹⁴ Там же. С. 284–285.



Алексей Юрьевич ВЯЗИНКИН, Кузьма Александрович ЯКИМОВ

| «Комсомол – шеф электрификации»: образ молодежи начала 1930-х гг. в советском документальном кинематографе |

ются носителями интеллектуального потенциала всего народа.

Осуществление задач социалистического строительства, превращение Советского Союза в развитую индустриальную державу было невозможно без использования трудового энтузиазма молодых людей. Необходимость столь масштабных и стремительных перемен объяснялась партийными и комсомольскими работниками желанием в кратчайшие сроки догнать и перегнать ведущие капиталистические страны. В то же время весьма настойчиво звучал сформулированный И. В. Сталиным тезис о возможности построения социализма в одной стране, в связи с чем все чаще звучали призывы жертвовать личными интересами ради «великой цели». Кроме того, форсированные темпы индустриальных преобразований объяснялись опасностью «враждебного окружения», при этом сам Советский Союз нередко представлялся в советской пропаганде в качестве осажденной крепости, в которую постоянно засылали всякого рода «врагов» и «шпионов».

Вместе с тем молодое поколение оказалось наиболее вовлеченным в процесс строительства коммунистического общества по ряду вполне объективных причин. Во-первых, молодые люди в силу психолого-возрастных особенностей сознания обладали сравнительно более низким порогом внушаемости, что в свою очередь упрощало технологию манипулирования их поведением. Во-вторых, молодежь 1930-х гг. не была обременена сознательным опытом жизни в рамках царского режима, большая часть ее социокультурных установок складывалась уже после революционных событий и Гражданской войны. В то же время следует учесть и закрытость советского общества от внешнего мира, что, несомненно, повышало ре-

зультативность воздействия пропагандистских установок.

Основным инструментом формирования «нового человека» был труд, который в советских условиях выступал в качестве преобразующей силы, поскольку был коллективным и вдохновлялся осознанием общей цели. По справедливой оценке Ш. Фицпатрик, «при старом режиме труд лишал сил и изматывал душу; при социализме он наполнял жизнь смыслом»¹⁵. Несмотря на все трудности и лишения, вера молодых людей в возможность своим трудовым участием приблизить наступление коммунистической формации, была одним из определяющих факторов трудовых подвигов молодежи 1930-х гг.

Стремительное изменение социокультурного уклада деревни, происходившее в ходе коллективизации, и связанное с ним желание избежать рутины колхозной жизни устремляло многих молодых ребят в города, которые манили сравнительно большими перспективами личностного и профессионального роста, разнообразием жизни. В этом отношении молодежь была реалистична и прагматична, вполне осознавая те возможности вертикальной мобильности, который ей открывал советский город 1930-х гг. Университеты, музеи, кинотеатры, клубы, чистые учреждения – все это было ново и в то же время вызывало неподдельный интерес у молодых людей. По мнению авторов усилившаяся в годы первых пятилеток урбанизация молодежи была закономерным следствием стремления юношей и девушек удовлетворить возросшие потребности. В связи с этим, неудивительно, что именно выходцы из дере-

¹⁵ Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – Москва: РОССПЭН, 2008. – С. 94.



Алексей Юрьевич ВЯЗИНКИН, Кузьма Александрович ЯКИМОВ

| «Комсомол – шеф электрификации»: образ молодежи начала 1930-х гг. в советском документальном кинематографе |

вень составили впоследствии основной костяк стахановского движения.

Социалистическое отношение юношества к труду во многом объясняется теми возможностями, которые открывали доступные для молодежи социальные лифты. К примеру, комсомолец Гругман искренне гордился тем, что смог после трудоустройства на завод стать квалифицированным рабочим¹⁶. Молодая рабочая Абакумова, получив желанную работу на МТС, благодарил «вождя народов» за предоставленную возможность управлять машиной и трактором¹⁷. В большинстве случаев подобные настроения были характерны для сельской молодежи, стремившейся сделать карьеру в городе и таким образом избежать однообразия и рутины колхозной жизни.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением В. К. Криворученко в том, что советского руководство активно поддерживало производственную инициативу молодого поколения, подчас иницируя их и создавая настоящий ажиотаж¹⁸. Нередко юноши и девушки, воспитанные в духе идеалов революции (оптимизм, героизм, жертвенность, приоритет коллективных интересов над личными) романтизировали трудовой подвиг. Весьма показателен в этом отношении отрывок из письма работницы аппаратного цеха Лебединской: «Сколько у меня радости, ведь я теперь аппаратчик-бригадир пятого разряда, я стахановка. Теперь я работаю

одна вместо двух»¹⁹. При этом она лишь вскользь упомянула о том, что после смены места работы ее доход увеличился в два раза²⁰.

В документальном фильме «Комсомол – шеф электрификации» продемонстрирована реалистическая картина организации заводского труда, которая на первый взгляд представляется несколько абсурдной. В ходе напряженной работы по выполнению промфинплана предполагались досуговые паузы, которые не были лишены внешнего динамизма: «все время звучала музыка, пение, выступали краснофлотцы»²¹. Это было одним из актов по приспособлению к немислимому прежде рабочему темпу, адаптации рабочей силы к неизменному заводскому шуму. Досуг сливался с работой в общем динамическом потоке социалистического труда.

В годы индустриализации центральной фигурой социалистического строительства был именно рабочий. А молодой рабочий вообще представлял в советском *mundus imaginalis* аналогом эффективно работающей машины. В «КШЭ» много символов, идеологии, электричества, металла, труда, музыки, шумов, но мало естественной ткани жизни.

Для Шуб было важно визуально и в звуке передать ритм фабричной работы, который бы отсылал к мифосоциальному ритму новой жизни, ритму индустриальному, ритму упорядоченному, динамичному, то есть тому, при котором пятилетка выполняется на ура. Ритмизованный труд комсомольца на заводе, по замыслу монтажера, превращается в танец, в вальс. Труд молодежи свободен, утверждает она, «и это так радостно, просто и легко»²². Это свиде-

¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М – 1. Оп. 23. Д. 1414. Л. 28.

¹⁷ Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П – 1184. Оп. 1. Д. 223. Л. 8.

¹⁸ Криворученко, В. К. Молодежь и юношеское движение в 1917–1941 годах: исторические уроки // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 2. – С. 35.

¹⁹ РГАСПИ Ф. 77. Оп. 2. Д. 94. Л. 5-6.

²⁰ Там же.

²¹ Шуб, Э. Жизнь моя – кинематограф. – Москва: Искусство, 1972. – С. 283.

²² Там же. С. 284.



Алексей Юрьевич ВЯЗИНКИН, Кузьма Александрович ЯКИМОВ

| «Комсомол – шеф электрификации»: образ молодежи начала 1930-х гг. в советском документальном кинематографе |

тельство – вовсе не пропагандистский кунштюк, а реальный оптимизм советского интеллигента 1930-х гг., открывающего в культурном измерении «дорогу на океан». Эта идея о единстве трудового энтузиазма и удовлетворения от самого процесса работы – сокровенная мечта русских теоретиков социализма, начиная с народников, разве что градус коллективизма в этих теориях никогда прежде не достигал экстремального пункта, как у большевиков.

**Героизация труда
и психология советской молодежи**

Милитаризация труда в СССР в 1930-е гг. в совокупности с социальной мобилизацией приобрела форму, близкую к тотальной мобилизации (чья культурная формула нашла отражение в советском искусстве накануне социалистического реализма), что вполне соответствовало брутальному духу модерна. В результате ряда масштабных мероприятий труд в советском государстве стал приобретать тотальный характер, чему соответствовала пролетарская этика самопожертвования во имя построения коммунистического будущего. На этом фоне складывалась своеобразная эрзац-религиозная культура аскетизма. Индустриализация в СССР была одним из образцовых вариантов технократического измерения модерна, который «требует нигилистической жертвы»²³. По существу, тотальная организация труда и сама командная система в большевистском государстве были выражением воли к власти, внутренней проекцией идеи распространения коммунистической идеологии во всем мире, подчинением реальности пролетариату, по выражению М. Хайдеггера, организацией сущего

²³ Козловски, П. Миф о модерне. – Москва: Республика, 2002. – С. 60.

«в направлении безграничного ужесточения и развертывания власти до всеохватности»²⁴.

Когда Сталин увел большевистскую страну с курса мировой революции, пришлось создавать другое место приложения громадных сил, накопленных в вихре революции. Индустриализация стала тем новым масштабным проектом, в котором советский пролетарий должен был быть представлен как героический субъект, как подлинный господин материи. Физическая сила и высокий моральный дух – две постоянные в формуле советского героического реализма.

Исследователь советского молодежного движения А. А. Слезин справедливо заметил, что характерной чертой политической культуры молодежи стало доминирование коллективных интересов над индивидуальными²⁵. В этом отношении характерен отрывок из письма молодого рабочего на имя М. И. Калинина: «В этом году, как и прошлые три года подряд я премирован (из числа очень немногих) как лучший ударник, я очень люблю жизнь, особенно теперь, но, несмотря на все это, всю свою жизнь, всю кровь – капля за каплей, я с радостью, я с наслаждением отдам Вам, любимый Михаил Иванович, чтобы принести собой какую-нибудь пользу для Вас, а значит, и для всей Родины»²⁶. Многие юноши и девушки искренне верили в то, что без их личного трудового участия коммунистического общества не построить, в связи чем, большинство трудностей и лишений вос-

²⁴ Хайдеггер, М. Размышления XII-XV (Черные тетради 1939–1941). – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2020. – С. 184.

²⁵ Слезин, А. А. Молодежь и власть: Из истории молодежного движения в Центральном Черноземье 1921–1929 гг. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. – С. 218.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 591. Л. 14 – 14 об.



Алексей Юрьевич ВЯЗИНКИН, Кузьма Александрович ЯКИМОВ

| «Комсомол – шеф электрификации»: образ молодежи начала 1930-х гг. в советском документальном кинематографе |

принимались молодежью как временные и необходимые. В свою очередь партийное и комсомольское руководство умело использовало пафос построения нового общества, направляя социальную энергию молодых людей на решение хозяйственных и производственных задач.

Не последнюю роль играло свойственное молодому поколению стремление проявить себя, а также боязнь оказаться среди отстающих и подвергнуться критике. Одним из популярных сюжетов периодических изданий в годы первых пятилеток был героизм «маленького человека». Многие молодые ребята мечтали оказаться на Досках почета. Юноши и девушки, проявившие себя на производстве, становились героями и героинями на страницах периодических изданий. И важно не только то, как советские газеты представляли образ передовиков производства и то, как это воздействовало на осознание юношества, но и личностное осознание значимости совершаемых подвигов.

С помощью культивирования героизма трудовых подвигов молодежь ощущала сопричастность всем тем успехам социалистического строительства, о которых твердили в официальной пропаганде. К примеру, на страницах Воронежской областной газеты была опубликована статья молодой комсомолки, с гордостью заявлявшей «вождю народов» о перевыполненном производственном задании²⁷. Как верно заметила Ш. Фицпатрик, в 1930-е гг. даже самый простой и незаметный человек благодаря своим достижениям мог прославиться хоть на день, что в свою очередь повышало осознание собственной значимости, в том числе и в

глазах его окружения²⁸. При этом характер социалистического соревнования, как правило, носил здоровые формы соперничества. Многие передовики производства стремились поделиться полученными знаниями и навыками с отстающими товарищами.

В то же время, молодые люди были весьма ранимы, когда дело касалось обвинений со стороны партийных и комсомольских организаций в пассивности и безынициативности. К примеру, две молодые девушки, оправдываясь на комсомольском собрании, говорили о том, что им очень стыдно быть среди отстающих, в связи с чем они взяли на себя обязательство решительно повысить свои производственные показатели²⁹. Боязнь подвергнуться насмешкам и критике со стороны, как своих товарищей, так и властных структур (партия, комсомол), служили мощным стимулом, усиливавшим мотивацию молодежи к труду. В свою очередь это обстоятельство усиливало результативность использования методов социалистического соревнования, особенно среди аполитично настроенной части молодого поколения.

Заключение

Кинодокументалистика представляет собой важнейший источник для историко- и культурно-антропологической реконструкции советской повседневности, который поддается аналитике с использованием методов и подходов визуальной антропологии. Подобная аналитика позволяет воссоздать не только атмосферу повседневности и трудового быта советского народа, но и ментальный профиль общества конкретной исторической эпохи.

²⁸ Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – Москва: РОССПЭН, 2008. – С. 92.

²⁹ ГАСПИТО. Ф. П – 1221. Оп. 1. Д. 50. Л. 39.

²⁷ Коммуна. 1937. 12 января. С. 3.



Алексей Юрьевич ВЯЗИНКИН, Кузьма Александрович ЯКИМОВ

| «Комсомол – шеф электрификации»: образ молодежи начала 1930-х гг. в советском документальном кинематографе |

Комсомол, как авангард грандиозного коммунистического строительства, нуждался в создании эстетизированного типа новой общности субъектов героического реализма с внутренней организацией культуры социалистического аскетизма. В образах советской кинодокументалистики, призванной живописать масштабную переделку человеческого и нечеловеческого «материала», проявился бруталный нигилизм модерна, в случае «КШЭ» – с элементами из авангардистского художественно-эстетического арсенала, однако уже тяготеющего к социалистическому реализму, лишённому абстракций и занятому изображением проблем социалистического строительства и их решений сугубо в практическом смысле («героическая работа пролетариата-диктатора»). «КШЭ» – это гибрид произведения кинематографического искусства и документа, который уже почти готов полностью трансформироваться в максимально практичный и эффективный ресурс советской пропаганды.

Милитаризация промышленного производства была направлена на эффективное использование рабочей силы, но в документальном образе необходимо было представить характерные особенности советской чувственности 1930-х гг., радости трудового быта. И в этом смысле звуковой кинематограф был способом визуально-пропагандистского конституирования новой чувственной близости между человеком и материальным миром, а изображаемая индустриализация (и в частности – электрификация) стала коллективно-экспериментальной площадкой выработки нового советского субъекта.

Архивные источники, позволяющие реконструировать реалии повседневности советской молодежи 1930-х гг., указывают на то что,

воспеваемый в кинодокументалистике героический образ трудовых подвигов молодежи, как правило, совпадал с действительностью. Большая часть молодых людей была мотивирована к самоотверженному труду, вполне разделяя ценностные установки нового общества. Многие молодые передовики производства не сомневались в возможности колоссальными усилиями в сжатые сроки достичь коммунистического идеала. Культивируемый пропагандистскими структурами образ пролетарского героизма не только способствовал формированию трепетного отношения к результатам производственной деятельности, но и повышал осознание личностной значимости молодежи.

Список литературы

- Ruby, J. (1996) Visual Anthropology. In Encyclopedia of Cultural Anthropology Vol. 4. / D. Levinson, M. Ember (eds). New York: Henry Holt and Company, 1996: 1345–1351.
- Шкловский, В. За 60 лет. Работы о кино. – Москва: Искусство, 1985. – 572 с.
- Widdis, E. (2012) Socialist Senses: Film and the Creation of Soviet Subjectivity. In *Slavic Review*, 71(3): 590–618.
- Шуб, Э. Крупным планом. – Москва: Искусство, 1959. – 256 с.
- Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. – Москва: Издательство политической литературы, 1970. – 606 с.
- Coopersmith, J. (1992) *The Electrification of Russia, 1880–1926*. Ithaca: Cornell University Press.
- Никифорова, Н. В. Превращение электричества из диковинки в новинку. Подходы к изучению культурной истории электрификации // *Общество. Средство. Развитие*. – 2016. – № 4. – С. 48–55.



СОВЕТСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАРРАТИВ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Алексей Юрьевич ВЯЗИНКИН, Кузьма Александрович ЯКИМОВ

| «Комсомол – шеф электрификации»: образ молодежи начала 1930-х гг. в советском документальном кинематографе |

Никифорова, Н. В. Лампочка Ильича и символические аспекты в пропаганде электрификации // Общество. Среда. Развитие (ТerraHumana). – 2017. – № 4 (45). – С. 102–110.

Widdis, E. (2003) Visions of a New Land. New Haven: Yale University Press: 23–27.

Кагановская, Л. Материальность звука: кино касания Эфири Шуб // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 2. – С. 35–53.

Шуб, Э. Жизнь моя – кинематограф. – Москва: Искусство, 1972. – 472 с.

Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – Москва: РОССПЭН, 2008. – 336 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М – 1. Оп. 23. Д. 1414.

Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П – 1184. Оп. 1. Д. 223.

Криворученко, В. К. Молодежь и юношеское движение в 1917–1941 годах: исторические уроки // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 2. – С. 31–40.

РГАСПИ Ф. 77. М – 1. Оп. 2. Д. 94.

Козловски, П. Миф о модерне. – Москва: Республика, 2002. – 239 с.

Хайдеггер, М. Размышления XII-XV (Черные тетради 1939-1941). – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2020. – 344 с.

Слезин, А. А. Молодежь и власть: Из истории молодежного движения в Центральном Черноземье 1921-1929 гг. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. – 220 с.

РГАСПИ. Ф. 78. М – 1. Оп. 1. Д. 591.

Коммуна. 1937. 12 января.

ГАСПИТО. Ф. П – 1221. Оп. 1. Д. 50.



Aleksei Y. VIAZINKIN, Kuzma A. YAKIMOV

| «Komsomol – Chief of Electrification»: Image of Young People at the Beginning of 1930s in the Soviet Documentary Cinema |

Aleksei Y. VIAZINKIN

Tambov State Technical University
106 Soviet Str., Tambov, 392000, Russian Federation
Associate Professor of Department «History and Philosophy»
Ph.D. in Philosophy
ORCID: 0000-0003-3821-6168
e-mail: vyazinkin@yandex.ru

Kuzma A. YAKIMOV

Tambov State Technical University
106 Soviet Str., Tambov, 392000, Russian Federation
Associate Professor of Department «History and Philosophy»
Ph.D. in History
ORCID: 0000-0003-1756-3515
e-mail: gnom-gnom123@mail.ru

**«KOMсомол – CHIEF OF ELECTRIFICATION»: IMAGE OF YOUNG PEOPLE
AT THE BEGINNING OF 1930S IN THE SOVIET DOCUMENTARY CINEMA**

The article analyzes the cultural and anthropological aspects of the formation of the image of the Komsomol of the 1930s in Soviet documentary cinema on the example of the film «Komsomol – Chief of Electrification». Historical and cultural and anthropological approaches, using the resources of the methodology of visual anthropology, allows to focus on poorly understood aspects of the formation of the propaganda image of the Komsomol in Soviet society during the industrialization period. The comparative historical method allows, on the basis of archival materials, to compare the image of Soviet youth and the realities of everyday working life of the Komsomol.

The cultural and anthropological image of the Komsomol, as an avant-garde of socialist construction, in Soviet documentary cinema constituted a new Soviet sensuality, thereby constructing a new Soviet subject. The methodology of visual anthropology allows to reconstruct not only the artistic and aesthetic techniques of the realistic art of emerging sound cinema and Soviet propaganda, but also the cultural dimensions of the image being created: from anthropology of factory labor to the «heroic» psychology of the young proletarian. The article focuses on the theoretical aspects of the artistic and visual possibilities of sound cinema to form the emotional culture of society. The content of the aesthetic approach to the creation of documentary films, com-

binning elements of avant-garde and only emerging socialist realism, was essentially a cultural expression of a combination of experimental and planned in the creation of a new Soviet subject. The goals of the Soviet state to create a new person were expressed in the peculiar aestheticization of the daily working life of young people and in the cultivation of the psychology of labor self-sacrifice imbued with the spirit of asceticism.

The heroic image of labor exploits formed by official propaganda structures, due to the psychological and age characteristics of the younger generation, was enthusiastically perceived by the mass youth consciousness. Most of the difficulties and hardships faced by young people were perceived as temporary and forced. At the same time, there were those who participated in the socialist competition under pressure from party and Komsomol organizations. The desire to avoid various social sanctions stimulated the formation of the performing nature of youth labor activity.

Key words: Komsomol, electrification, Soviet cinema, Soviet subject, psychology of the proletariat, visual anthropology, anthropology of labor, documentary, heroic realism.



Aleksei Y. VIAZINKIN, Kuzma A. YAKIMOV

| «Komsomol – Chief of Electrification»: Image of Young People at the Beginning of 1930s in the Soviet Documentary Cinema |

References

Ruby, J. (1996) Visual Anthropology. In Encyclopedia of Cultural Anthropology Vol. 4. / D. Levinson, M. Ember (eds). New York: Henry Holt and Company, 1996: 1345–1351.

Shklovsky, V. (1985) Za 60 let. Raboty o kino. [For 60 Years. Works About Cinema]. – Moscow: Iskusstvo. 572. (in Russian).

Widdis, E. (2012) Socialist Senses: Film and the Creation of Soviet Subjectivity. In Slavic Review, 71(3): 590–618.

Shub, E. (1959) Krupnym planom [Close Up]. – Moscow: Iskusstvo. 256. (in Russian).

Lenin, V. I. (1970) Polnoe sobranie sochinenij. T. 42. [Complete Works. Vol. 42.]. – Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 606. (in Russian).

Coopersmith, J. (1992) The Electrification of Russia, 1880–1926. Ithaca: Cornell University Press.

Nikiforova, N. V. (2016) Prevrashhenie jelektrichestva iz dikovinki v novinku. Podhody k izucheniju kul'turnoj istorii jelektrifikacii [Turning Electricity From Curiosity into Novelty. Approaches to Exploring the Cultural History of Electrification]. Obshhestvo. Sreda. Razvitie. 4, 48–55. (in Russian).

Nikiforova, N. V. (2017) Lampochka Il'icha i simvolicheskie aspekty v propagande jelektrifikacii [Ilyich's Light Bulb and Symbolic Aspects in Promoting Electrification]. Obshhestvo. Sreda. Razvitie (TerraHumana). 4 (45). 102–110. (in Russian).

Widdis, E. (2003) Visions of a New Land. New Haven: Yale University Press: 23–27.

Kaganovskaya, L. (2013) Material'nost' zvuka: kino kasanija Jesfiri Shub [The Materiality of Sound: Esther Shub's Movie Touch] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2, 35–53. (in Russian).

Shub, E. (1972) Zhizn' moja – kinematograf [My Life is Cinema]. – Moscow: Iskusstvo. 472. (in Russian).

Fitzpatrick Sh. (2008) Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: gorod. [Everyday Stalinism. Social History of Soviet Russia in the 30s: The City. – Moscow: ROSSPEN. 336.]. (in Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. M – 1. Op. 23. D. 1414 [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. M – 1. Op. 23. D. 1414]. (in Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tambovskoy oblasti (GASPITO). F. P – 1184. Op. 1. D. 223 [State Archive of the Socio-Political History of the Tambov Region (GASPITO). F. P – 1184. Op. 1. D. 223]. (in Russian).

Krivoruchenko, V. K. (2005) Molodezh' i yunosheskoye dvizheniye v 1917–1941 godakh: istoricheskiye uroki [Youth and Youth Movement in 1917–1941: Historical Lessons] // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. 2, 31–40. (in Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 77. Op. 2. D. 94 [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) F. 77. Op. 2. D. 94]. (in Russian).

Kozlovsky, P. (2002) Mif o moderne [The Myth of Modernity]. – Moscow: Respublika, 239. (in Russian).

Heidegger, M. (2020) Razmyshleniya XII–XV (Chernye tetradi 1939–1941) [Reflections XII–XV (Black Notebooks 1939–1941)]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. 344. (in Russian).

Slezin, A. A. (2002) Molodezh' i vlast': Iz istorii molodezhnogo dvizheniya v Tsentral'nom Chernozem'ye 1921–1929 gg. [Youth and power: From the history of the youth movement in the Central Chernozem region 1921–1929]. – Tambov: Tambov Publishing House. state tech. un-ta. 220. (in Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 78. Op. 1. D. 591 [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) F. 78. Op. 1. D. 591]. (in Russian).

Kommuna. 1937. 12 yanvarya [Commune. 1937. January 12]. (in Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tambovskoy oblasti (GASPITO). F. P – 1221. Op. 1. D. 50 [State Archive of the Socio-Political History of the Tambov Region (GASPITO). F. P – 1221. Op. 1. D. 50]. (in Russian).

